

Я не заглядывал покорно в глаза

Бывают такие факты, в которые весьма трудно поверить. Допустим, в то, что Александру ЗБРУЕВУ вот-вот исполнится 60. Нелепость какая-то — все врут календари. Мы полюбили его с начала 60-х, с фильма "Мой младший брат". Потом были "Пядь земли" и "Два билета на дневной сеанс", "Большая перемена" и "Батальоны просят огня", "Убить дракона" и "Храни меня, мой талисман"... Перечислять можно долго. Важно одно: с героями Збруева мы всегда связываем понятие о мужской надежности, непоказной интеллигентности. А это дорогого стоит.

— Ваша жизнь, Александр Викторович, началась в ссылке, из которой вы вместе с мамой вернулись в Москву в пору войны. Уж наверняка было не до жиру.

— Может быть, та энергия, которая внутри, что-то сжигает и не позволяет растолстеть. Может, потому, что я очень подключаюсь к каким-то вещам и начинаю сопереживать. Может, потому, что в работе нахожусь, хотя не жажду до нее совсем, у меня нет всеядности.

— Не хватает амбиций?

— В каждом человеке есть и честолюбие, и тщеславие, и мне хотелось бы быть занятым в каком-то суперспектакле, суперфильме, но если этого нет — так и нет. Я особенно не рвусь сниматься — даже тогда, когда кинематограф был очень тиражным и появлялось большое количество картин, я как-то особенно и не рвался. И если у меня была одна картина в год, мне было вполне достаточно. А если вторая или третья — это меня уже достаточно напрягало.

— Душевные затраты?

— Конечно, душевные затраты всегда существуют: сегодняшний мир очень непростой, приходится все время бороться с чем-то. Такая борьба за жизнь — это громко сказано, но тем не менее это так. Потому что наша жизнь складывается из многих частностей, мы сами очень не защищены, а приходится еще и своих родных и близких защищать — не с автоматом в руках, конечно, хотя в нашей стране можно до чего угодно пойти. Та неожиданность, которую несет ежечасно действительность, — к ней надо быть постоянно готовым.

— Вы в "Ленкоме" аж с 61-го года, это громадный срок. Тяжело ли постоянно находиться в одном театре?

— Какие-то моменты были, когда хотелось нового. Когда отсюда ушел Анатолий Васильевич Эфрос в Театр на Малой Бронной, у меня была попытка перейти туда, но не получилось. То есть, по всей вероятности, во мне какие-то очень твердые устои ностальгические существуют. Я почувствовал себя там не дома, хотя что в ту пору могло быть лучше и талантливее Эфроса? Тем не менее я там проработал где-то полтора месяца, не больше. И вернулся обратно в "Ленком". Есть много примеров тому, как люди переходят из театра в театр, бегают, я не думаю, что они что-то выигрывают.

— Как-то вы довольно категорично сказали, что не хотите сниматься, поскольку нынешних фильмов никто не видит. Но вот вышла "Бедная Саша" — этот фильм сразу увидели по телевидению, и в кинотеатрах, и кассеты с ним продаются. Тут-то вы были удовлетворены?

— Ну, конечно. Потому что моя единственная профессия — актерская, я заражаюсь, загораюсь от этого. Другое дело, что я уже давно занимаюсь этой профессией и уже заранее могу предвидеть наперед, во что может превратиться на съемочной площадке тот или иной замысел.

— А было ли так, что вы, отыграв в фильме, понимали потом, что это штука прогарная?

— Достаточно было таких слу-

Фото Н. САМОУЙЛОВА

чаев. Я много снимался в кино, но чтобы похвастаться какими-то своими победами... У меня не было таких эпохальных картин, как, например, "Летят журавли" или "Сорок первый". Это не значит, что я стремлюсь попасть в историю кино, но хотелось бы участвовать в хорошем деле, живучем. Ведь замечательно, что сегодня смотрят ленты, которые остались навсегда, молодежь знакомится с ними, и люди, которым только предстоит родиться, увидят актеров, нашу эпоху, настоящий кинематограф.

А такое кино, которое просто проскакивает, — от него ощущение суеты, сора. В этом соре найти что-то нужное — я не знаю, какая это должна быть удача, чтобы в стоге сена найти ту самую иголку.

— Наверное, так жизнь устроена.

— Наверное, но становится, горько, когда понимаешь, что за прожитые годы сделал такие крохи. И только из-за того, что ты часто делал то, чего не надо было делать. Знаете, как говорят преферансисты: знал бы прикуп — можно было бы не работать. И тем не менее проколов очень много. И сегодня я вижу, что многие актеры заведомо идут на это, а себе говорят: а вдруг? Но так не бывает — этого "а вдруг".

— Как-то вы печально говорили...

— А чего веселиться? Но ведь все равно кинематограф живет, есть какое-то движение вперед. Вот четыре года назад Дмитрий Астрахан снимал картину "Все будет хорошо" — и была премьера в кинотеатре "Россия", который ныне "Пушкинский" называется. Помню, мы вышли на сцену, и мне было чудовищно обидно, что из двух с половиной тысяч мест половина пустует. Было ощущение пустоты полной. А люди старались, переживали, делали фильм. Но вот прошло время — и "Бедная Саша" (я не сравниваю картины и о качестве их ничего не говорю) на премьере в той же "России" собрала полный зал. Это уже говорит о чем-то. Может быть, в публике что-то измени-

лось, может, кинематограф поминал за собой, что-то в нем признало новое поколение. Кино живуче — есть же хорошие традиции, которые навсегда останутся.

— Да, зрители же никого не забыли. Не в качестве комплимента, а просто констатируя факт: вас очень любят. А вы чувствуете зрительскую симпатию?

— Чувствую. И меня радует, что даже молодые люди подходят, говорят какие-то хорошие

маленькое, потом еще одно маленькое, и вырастает, наконец, в большое вранье, когда уже никто никому не верит, и уж зрители тем более.

— А смотрите ли вы, если случается такая оказия, свои старые фильмы?

— В общем, нет. Какое-то это все из другой жизни уже. Если и смотрю, то, чтобы понять: правильно ли эта картина выжила, почему ее сейчас показывают? И если увидишь, что вроде выгребашь, ни-

слова, это очень приятно.

— Причем, несмотря на не лучшую ситуацию с прокатом.

— Да вот та же "Бедная Саша"... Премьера была замечательная, а потом я смотрю: где сейчас идет этот фильм? Вот реклама: "Смотрите фильм "Бедная Саша" в кинотеатре "Художественный". Для меня это вообще родной кинотеатр — рядом же мой Арбат, я туда всегда бегал — и это был, как мой родной дом. Если я прогуливал школу, то всегда начинал свой обход с "Художественного", потом уже — "Кадр", "Арс", "Наука и знание". И вот я решил взглянуть, что значит — смотрите в кинотеатре "Художественный". Но оказалось, "Бедную Сашу" показывают в десять часов утра и в два тридцать. А дальше — американские картины. И я подумал: кто же будет эту "Бедную Сашу" смотреть?

— Те, кто прогуливают школу.

— Ну тогда пусть все прогуливают школу. Хотелось бы, чтобы наши фильмы показывали не только как утренники — есть все-таки сегодня достойные картины. А потом говорят: плохой прокат, никто не идет. Ну поставьте его на восемь вечера, проверьте, будут люди ходить или нет. И тут же руки опускаются. Для чего мы делали фильм — чтобы его поставили на 10 часов утра? Ну чушь собачья.

— Как-то мы с вами говорили по поводу фильма "Батальоны просят огня", и мне запомнились ваши слова о том, что у вас было ощущение подлинности происходящего. Это часто случается?

— Так и должно быть. Приблизительность и декоративность разрушают актерскую веру: на площадке не может быть фанеры. Это зависит от всех — от режиссеров, операторов, художников, актеров. Создать вот эту ауру, да нет, просто эти обстоятельства: чтобы захотелось потрогать рукой, ощутить правду. Понимаете, вот должен я выйти в дверь, а она ходуном ходит, постучал — падает. Потиху, говорят, стучите. Да я же по состоянию должен орать, рваться в дверь — а она даже не закреплена. И начинается вранье

чего позорного нет, ну, значит, хорошо, что ее показали.

— Зрители-то все же по-своему воспринимают актерские роли. Например, "Большую перемену" многие с удовольствием смотрят по десятому разу, а для вас, как я знаю, очень выигрышная и удачная роль Ганжи — нож острый, вызывает даже раздражение.

— Тогда она меня тянула назад, понимаете? Но сегодня ощущение того, что это как будто не со мной было, как-то уже так далеко, абсолютно другой мир, другая идеология, другие взаимоотношения — ну все другое. Многих нет — Евгения Павловича Леонова, Краморова, кто-то просто потерялся в актерской жизни. И будто на какую-то другую жизнь я сейчас смотрю — это вроде бы давно уже и не я.

— А как можно актеру не потеться?

— Не знаю, как. Потому что в театре сейчас я играю немного. В свое время был такой удар, когда я у Эфроса арбузовского Марата сыграл — люди до сих пор помнят тот спектакль. Не могу похвастаться, что такое часто бывало. Потом через пять лет что-то, потом через пять-восемь лет... Потом вдруг опять что-то возникает — вроде еще жив курилка. ЭХН

А как выжить? Я никогда не сбился и не заглядывал покорно в глаза. Говорят иногда, что у меня сложный характер, а ведь самый нормальный, по-моему. Ну как вам сказать... Это очень зависимая профессия — актерская, но я никогда не дружил с режиссерами или с людьми, от которых зависело что-либо, и даже себя как бы отстранял от этого.

— То есть вы человек, скорее, замкнутый, чем?..

— Нет, я люблю посидеть за столом и потрепаться, но не тусовочный я человек, нет. Хотя произвожу впечатление такого. Я вообще очень коммуникабельный, могу настроиться на что-то, но потом, когда нахожу причину уходить, — ухожу.

Беседу вел
Алексей ЕРОХИН